

ВАГИФ СУЛТАНЛЫ

В ВОДОВОРОТЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Портрет-диалог

Из окна видны переделкинские леса, укрытые снегом. Задумавшись, он может часами вглядываться в это белое безмолвие. В эти минуты он далек от красот зимнего леса; может, кажется ему, что вглядывается он в безбрежную даль родного Каспия. «...Люблю Баку и в дождь, и в ветер. Валит ветер с ног человека, но человек продолжает идти. Заунывна песня ветра, но не безнадежна...» — эти строки взяты из раннего романа Чингиза Гусейнова.

Он часто вспоминает те годы, оставившие неизгладимый след в его жизни: «Отец — родом из Шемахи, мать — бакинка. Родился в Баку. Сохранился наш дом в Ичери шехер. Детство мое прошло в Баку, Шемахе, Карабахе. Я так мало написал о тех годах, которые вспоминаю как волшебный сон...»

В 1949 году поехал учиться в Москву, и с тех пор судьба связала его с этим городом. Вначале студент филологического факультета МГУ им М. В. Ломоносова, затем аспирант Института востоковедения АН СССР, защита кандидатской диссертации. Некоторое время работал секретарем Совета по азербайджанской литературе при СП СССР. Ныне — доктор филологических наук, он работает в Академии общественных наук при ЦК КПСС профессором на кафедре социалистической культуры. Чингиз Гусейнов — азербайджанский писатель, много лет живущий в Москве. Выдержки из беседы с ним я хочу предложить вашему вниманию

В.С. Не я первый задаю вам этот вопрос, но все же... Сюжеты ваших произведений, как правило, связаны с жизнью азербайджанского народа. Чувствуете ли вы вашу оторванность от Азербайджана в процессе работы? Я считаю, что писатель должен жить заботами, горестями народа, о котором он пишет. Ведь литература — это не только абстрактные, общечеловеческие понятия, но и конкретные факты, особенности национальной психологии.

Ч.Г. Вы правы, писатель должен жить среди народа. Но жизнь сложна, очень сложна. Гоголь долго жил за границей, но постоянно ощущал связь с народом. Согласитесь, что есть писатели, живущие среди народа и далекие от его интересов. С тех пор, как я здесь, я как бы раздвоен: мысли, чаяния мои в Азербайджане. Знаете, национальный характер, национальные особенности редко изменяют-

ся — в этом, может, и главное достоинство народа. С другой стороны, Москва — многонациональный город, и при общении с людьми разных национальностей особенно высвечиваются черты характера, присущие вашему народу. Помните теорию относительности Эйнштейна? Расстояние от одной звезды до другой можно покрыть за десятки тысяч лет. Но все относительно — наука может развиваться настолько, что этой звезды можно достичь за год. Вот так и я. Я считаю себя ближе к Азербайджану, чем иные, живущие там.

В.С. Не затрудняет ли билингвизм процесс творчества? Как известно, свои произведения, написанные на русском языке, вы не переводите на азербайджанский, а заново пишете на азербайджанском, и наоборот.

Ч.Г. Билингвизм — сложное понятие, оно имеет общественные корни и причины. Произведение, написанное на русском языке, не будет иметь никакого отношения к национальной литературе, оно может лишь косвенно повлиять на нее. В лучшем случае, оно обогатит русскоязычную литературу. В художественном литературном творчестве язык — основной фактор.

В.С. В свое время Ю. В. Чеменземинли в своих исследованиях отрицал значение фарсыязычной литературы и историю азербайджанской литературы начинал с Насими. Странное совпадение...

Ч.Г. Да, это действительно так. Мне советовали дать на перевод «Фатальный Фатали», аргументируя тем, что якобы займет много времени и сил создание равноценного романа на азербайджанском языке. Я категорически отказался. Я считаю, что это трагедия, когда писатель пользуется услугами переводчика при переводе произведения на родной язык. К сожалению, еще не все осознали, насколько могут быть трудны последствия. Но есть и другой аспект этой проблемы: если писатель пишет на русском языке, но сам нерусский, то он должен отражать в своем творчестве особенности национального характера, национальный колорит. Многие связывают популярность Чингиза Айтматова с тем, что он русскоязычный писатель. Но это в корне неверно. Величие Ч. Айтматова в том, что общечеловеческие ценности проявляются в его произведениях через мировосприятие киргизского народа. В произведениях М. Ибрагимбекова чувствуется азербайджанский колорит, хотя он пишет на русском. При переводе,

независимо от мастерства переводчика, многое теряется. К тому же, перевод — столь же трудный и сложный процесс, как и художественное творчество. В литературном тексте, кроме самого текста, есть подтекст и контекст. Процесс перевода у нас напоминает чем-то конвейер: один переводчик создает подстрочный перевод, «голый», без прикрас, лишенный подтекста и контекста, так называемой «ауры» (термин взят из Библии); на основе этого «полуфабриката» другой переводчик создает произведение. Именно по этой причине некоторые писатели не могут найти своего иноязычного читателя.

В.С. В последние годы в литературе, в частности, в прозе ясно прослеживается тенденция к внутреннему монологу героя, все реже в литературе, будь это повесть на современную тему или исторический роман, появляется личность со сложным, противоречивым характером. Как вы думаете, в чем причина такой тенденции?

Ч.Г. Значение этой проблемы преувеличено — литературное произведение немыслимо без раскрытия характера героя. Но характер надо рассматривать в коллизии с конфликтом. Фабула литературных произведений основана на конфликте. Если нет конфликта, противоречия, следовательно, нет характера.

В.С. Современная художественная проза тяготеет к публицистике. Как вы оцениваете это явление? Не повлияет ли оно на художественные качества произведений? В 20-е годы наличие в произведении конкретной идеи, явной социально-политической тенденции служило критерием оценки. Прошли годы, и многие из произведений, написанных в те годы, не выдержали испытания временем. Не ожидает ли та же участь художественно-публицистическую прозу наших дней?

Ч.Г. Влияние публицистики на художественную литературу можно объяснить двумя факторами: во-первых, слабостью прозы; во-вторых, желанием придать прозе новое звучание, качество. Писатель, не обладающий даром отражать события через характер героя, часто прибегает к публицистике. Публицистический пафос в известной мере обогащает повествование.

В.С. К тому же в публицистике часто используются конкретные факты, действуют конкретные, а не вымышленные герои. Тяготение к публицистическому началу в наши дни, очевидно, связано с долгим молчанием «в застойные» годы, страстным желанием высказаться, докопаться до сути.

Ч.Г. Несомненно. У литературы много функций, но одна из важнейших — предвидеть события, давать прогнозы на будущее. Но часто прогнозы бывают неутешительны, мы терпим, занимаемся самообманом. И в такие минуты, незаметно для себя, мы прибегаем к публицистике.

В.С. У Фолкнера есть высказывание: все романисты — неудавшиеся поэты. Вы писали раньше стихи?

Ч.Г. Интересный вопрос. Я думаю, что прозаик вообще должен быть немного поэтом. Иногда пишу стихи. Поэзия помогает в создании стиля произведений, обогащает язык. Переход от поэтического творчества к прозе — нелегкое занятие, особенно в Азербайджане, где поэзия имеет древние корни. Мои стихи — это не стихи в привычном для нас по-

нимании, я их назвал бы строками без рифм. Они опубликованы в журнале «Азербайджан». Часть книги «Весенний цветок», изданной в Баку (1969), составляют эти стихи. Это ассоциативные стихи, но ведь это не ново в нашей литературе — корни этого явления берут начало с времен «Деде Коркуда».

Всесоюзный успех к писателю пришел в семидесятые годы, когда был издан роман «Магомед, Мамед, Мамиш». В центре романа — история одной семьи, сквозь призму семейных отношений показаны социальные проблемы застойных лет: коррупция, клановость, равнодушие. Этот роман о жизни различных слоев общества был в те годы своеобразным «романом-предупреждением» (см. Н. Иванов. Анатомия перерождения, «Дружба народов», 1987, № 8, с. 263).

Роман, тепло встреченный центральной печатью, переведенный на 20 языков, к сожалению, остался вне сферы интересов азербайджанских критиков. По причинам, от литературы далеких.

В.С. В интервью, данном вами французской газете «Юманите», отмечается, что роман «Магомед, Мамед, Мамиш» написан в стиле барокко. Какие особенности романа послужили основой для таких выводов?

Ч.Г. В Европе для обозначения нового стиля используют старые термины. Стиль романа я назвал ассоциативным. «Стиль барокко» — их термин, я такое название не употреблял.

Когда роман «Магомед, Мамед, Мамиш» переводился на иностранные языки, я получал письма от переводчиков с просьбами прокомментировать то или иное понятие. От французского переводчика я писем не получил. Когда произведение было издано, я спросил переводчика, как он воспринял роман. Я очень удивился, услышав, что, с одной стороны, восточная музыка, с другой стороны, поэзия В. Хлебникова помогли ему в восприятии романа. Помню, двоюродная сестра Хамише была искусной коврикатчигой. Приступая к работе, она еще сама не знала в точности, что за узор предстоит ей выткать. Когда же работа кончалась, мы восхищались ее мастерством. Значит, рисунок этого узора она держала в памяти. Так же и в литературном процессе, я тку узор из слов, хотя порой он бывает непонятен читателям.

В.С. В финале первоначального варианта романа «Магомед, Мамед, Мамиш» главный герой — Магомед одерживает победу над всемогущей бахтияровщиной. В последнем варианте финал совершенно другой — Магомед трагически погибает. Чем обусловлена замена одного другим, диаметрально противоположным финалом?

Ч.Г. Роман на русском и азербайджанском языках — совершенно различные произведения. Это не два варианта одного романа. Я написал его на азербайджанском, затем его переводили на русский. Но знаете, это произведение не было опубликовано в республике. После долгих хождений по редакциям, в журнале «Улдуз» согласились на публикацию романа. Когда роман был опубликован в журнале, я не узнал своего произведения, настолько оно было сокращено. В те годы я согласился на такую публикацию, ведь его все равно не опубликовали бы полностью на родном языке. Для выхода романа

на русском языке он должен был быть опубликован на национальном языке. После долгих переговоров с журналом «Дружба народов» редакция согласилась на публикацию. Роман вышел в последнем номере за 1975 год и получил премию журнала.

В. С. Роман «Магомед, Мамед, Мамиш» переведен на многие языки народов СССР, имел успех в Европе и Америке. Постановка по роману осуществлена на сцене экспериментального театра «Ильхам» в Ташкенте. В чем секрет такой популярности?

Ч.Г. Хочется отметить, что роман с его противоречиями, конфликтами, персонажами в Баку был воспринят как антинациональное произведение. Успех романа, по-моему, в глубине конфликта. Он выявил эволюцию непростого характера Мамиша. Этот характер научил меня многому. Мамиш живет среди нас, в каждом из нас сидит такой Мамиш. В чем трагедия Мамиша? Рассмотрим на нашем примере. Читая роман, мы следим за поступками Мамиша, подмечаем его недостатки, мысленно боремся с ними и одерживаем победу. А Мамиш живет в этой среде, он вынужден жить в ней, но не согласен с принципами этой среды. Трудность, помимо всего прочего, в том, что зло исходит от близких ему людей. И в воображении Мамиша возникают сцены борьбы с сильными мира сего, и всегда он терпит поражение, всегда его ожидает нравственная смерть, потому что сталкивается он с миром чуждых ему этических, национальных, моральных норм, и этот мир сильнее Мамиша. Смерть Мамиша в романе имеет абстрактно-символический характер.

Роман «Фатальный Фатали», опубликованный в 1983 году на русском языке, явился новым этапом в творчестве Ч. Гусейнова. В центре романа — личность классика азербайджанской литературы Мирзы Фатали Ахундова. События разворачиваются на широком историческом фоне: борьба азербайджанского народа за независимость в XIX веке, его чаяния и трагедия — все это нашло отражение в романе. С точки зрения жанровой оценки — это не исторический роман в традиционном понимании этого термина, сам автор определил его как «документальную фантазию». Обилие условно-символических и фантазмагорических элементов, уход в прошлое, «опережение событий» в будущем, временное несоответствие — все это подтверждает жанровое своеобразие романа.

В. С. Ваш роман «Фатальный Фатали» по широте повествования, по философской глубине — принципиально новое явление в ряду исторических романов последних лет. Не случайно он получил положительные отклики советских и зарубежных критиков, пользуется успехом у читателей. Повесть «Неизбежность» была опубликована до романа. Почему вы вернулись к образу Мирзы Фатали?

Ч.Г. Над романом я работал десять лет. Затем представил в редакцию журнала «Дружба народов», был заключен договор. Но публикация романа затянулась надолго, и я уже потерял надежду. Поставленные в романе дилеммы писатель и общество, большие и малые народы, борьба мало-

численных народов за независимость — все это привело редакцию в замешательство. Выход романа на русском языке был для меня большой неожиданностью, потому что еще нигде, кажется, не обличалась настолько остро колониальная политика царизма.

Иногда я думаю, что права и обязанности цензуры неизменны с 1826 года (нельзя обсуждать государственные дела, внешнюю политику, критиковать должностных лиц и т. д.). Я был близок с Ю. Трифоновым, хотелось узнать его мнение о романе «Магомед, Мамед, Мамиш». Он хорошо отозвался о романе и спросил о предстоящих планах. Я ответил, что написал роман о Мирза Фатали, но не могу опубликовать. Он посоветовал обратиться в издательство «Политиздат» (жена Ю. Трифонова работала там). В это время издательство проводило выпуск книг из серии «Пламенные революционеры». Конечно, Мирза Фатали не был революционером, но все его творчество пронизано революционными идеями. Но в этой серии не было запланировано издание об Ахундове, и я решил восстановить имя Мирзы Фатали в рядах борцов. С этой целью я отправился в ЦК и получил разрешение на публикацию в серии «Пламенные революционеры». Произведение сильно сократили, сохранили лишь те места, где речь шла непосредственно о писателе. Надо было также дать новое название. Я остановился на заглавии «Неизбежность». Кстати, публикации ставились всякие препоны со стороны республики. Рукопись я хотел передать ахундоведу Шейдабеку. Позвонил ему, сказал о своем намерении. Он категорически заявил, что не считает Ахундова революционером и в ЦК плохо посмотрят на такую самодеятельность. Я понял, что, отдав рукопись на рецензию Шейдабеку, я не увижу своего произведения в печати. Потом я решил: ведь это художественное произведение, и не имеет смысла давать его на рецензию узкому специалисту. Рецензию на повесть написал писатель Ю. Гардин. Затем, после «Политиздата», повесть выпустило издательство «Советский писатель».

В. С. Вы определили жанр романа «Фатальный Фатали» как «документальную фантазию». Соответствует ли это действительности?

Ч.Г. За каждой строкой романа стоит исторический документ. Фантазия, вымысел в романе — дань творческому началу произведения. Термин «документальная фантазия» наиболее точно отражает специфику романа. Некоторые моменты истории я как бы прожил вместе с героем. Например, с 1856 года Ахундов перестал заниматься творчеством, уделял много сил и времени проблеме алфавита, ислама. Спустя годы он понял, что его обманывали, уводили с истинного пути борьбы. Но это все вымысел автора. Так же и встреча Ахундова с Лермонтовым. Документально это не подтверждено. Встреча Ахундова с Николаем I также нереальна, они встретились благодаря моей фантазии. Ахундов не встречался с Шамилем, хотя такая встреча могла бы состояться. Образ Гаитмазова в романе имеет исторический прототип, он был по национальности осетин. В книге «Цензура», выпущенной в Армении, рассказывается о его деятельности. Он стра-

ницами сокращал произведения Х. Абовяна и под ними ставил свою подпись. Гаитмазов не встречался с Ахундовым. Если бы этот роман был сугубо историческим, меня могли бы упрекнуть в фальсификаторстве.

В.С. Каким образом появился в романе условно-символический образ Колдуна?

Ч.Г. Во-первых, под образом Колдуна, в известной мере, подразумевается Ахундов. Во-вторых, образ показался мне важным для раскрытия колорита эпохи. Колдун обладает даром предвидеть будущее, заглядывать в прошлое — то есть образ помог «материализовать» связь времен. Колдун — это, если хотите, второе «я» Фатали. Конечно, напиши я этот роман на азербайджанском, образ Колдуна приобрел бы негативные черты, как нашему фольклору свойственно. Но в русской литературе колдун — традиционно положительный персонаж.

В.С. Использовали ли вы архивные материалы, первоисточники в процессе работы над романом?

Ч.Г. Конечно. Я работал в архивах в Баку, Тбилиси, на Северном Кавказе, побывал в Ираке, Турции. Меня интересовала не только личность Ахундова, но и других выдающихся деятелей той эпохи: Мирзы Шафи, Бакиханова, Грибоедова, Бестужева-Марлинского, Лермонтова, Шамиля, князя Х. Усмиева.

Десять лет я собирал материалы, а сам роман был написан всего за шесть месяцев. Имеются два оригинала романа — на русском и азербайджанском языках.

Наиболее сложная часть романа, по-моему, — «Письма Камал-уд-довле». Вы знаете, что Ахундов был атеистом. Непростая ситуация сложилась в семье: Ахунд Алескер — религиозный фанатик, Мирза Фатали — атеист, его жена Тубу-ханум — меж двух огней. В этом контексте судьбу Ахундова надо рассматривать как воплощение противоречий века.

В.С. Русский вариант романа содержит 27 печатных листов, а азербайджанский — 42. С чем связано такое различие?

Ч.Г. Здесь свою роль сыграли два условия: власть языка и власть читателя. Если бы роман был бы написан на азербайджанском языке, то восточная тематика доминировала бы над европейской, Лермонтов был бы, а Одоевский — нет. В русском варианте в центре внимания Грибоедов, в азербайджанском — Аббас Мирза Бакиханов. В процессе работы я явственно чувствовал противостояние Востока Западу. Влияние обеих культур на Ахундова было огромно. Если бы роман был написан на азербайджанском, то образ Николая получился бы не столь заметным... У нас не было принято критиковать царя, а в русской литературе имелась традиция, основоположником которой был Пушкин. Если бы мы хорошо знали свою историю и для нас не было бы «белых пятен» в истории освободительной борьбы азербайджанского народа в XIX веке, то роман «Фатальный Фатали» был бы намного тоньше. Но нам не разрешали изучать историю, проводить исследования, ложно освещались отдельные события, факты, целые пласты жизни.

Мне кажется, что и объем азербайджанского варианта романа «Семейные тайны»

может увеличиться в два-три раза после доработки.

В.С. Эпилог последнего русского издания романа «Фатальный Фатали» вы дополнили таким выражением: «Некоторые подробности из архива Ахундова или несбывшаяся мечта». С чем связано появление этого дополнения?

Ч.Г. После выхода в свет повести «Неизбежность» меня нашел внук князя Хасая Усмиева и Натаван — Мехти Усмиев. Ему восемьдесят лет, долгое время работал архитектором в Москве, бездетный. Ведет скромный образ жизни, ему в голову не приходило кичиться своим происхождением. Он заверил меня, что впервые прочитал исторический роман, опирающийся на подлинные, исторические факты. В музеях Владикавказа и Орджоникидзе имеются документы, связанные с именем князя Усмиева. Я знал о дружбе Усмиева с Мирзой Фатали, но не имел в наличии документов, подтверждающих это. О них рассказал мне Мехти Усмиев. Трагическая похожесть судеб Усмиева, Бакиханова и Ахундова подсказала мне мысль об этом дополнении. Чтобы связать документы с канвой романа, я написал сцену, где Ахундов, будучи дежурным в канцелярии наместника, обнаруживает в оставшемся открытым ящике стола заявление Х. Усмиева и его документы и переносит их на арабскую графику. В новом издании эта сцена будет включена.

В этих документах отразилась трагическая судьба Х. Усмиева. Он был верноподданным русского царизма долгие годы, пока не понял, что ему не верят, и это недоверие очень отягощало его. Он просит разрешения на отъезд в Турцию и пишет по этому поводу заявление. С этой минуты на него заводят досье и следят за его поступками. Волокита с заявлением, постоянная слежка — все это приводит к самоубийству. Но его спасают, ссылают в Воронеж, где он умирает от ран.

Это был исключительный случай, так что я не мог не связать его с Ахундовым. Неверие — эта тема красной нитью проходит в романе. Служба — неверие — трагедия. Помните, в романе А. Бакиханов говорит Ахундову: «Фатали, твое будущее — мое настоящее». Это не просто слова. Бакиханов на себе почувствовал всю тяжесть недоверия.

Роман «Семейные тайны», первоначальный вариант которого назывался «Исповедь проповедника», высветил новые грани таланта писателя. В романе автор на примере семьи Аббасовых, шуточно называемой одним из близких династией Аббасидов, вскрывает язвы современного общества, доказывает, что корни негативных явлений, с которыми мы сталкиваемся, глубоки.

В.С. В аннотации к роману «Семейные тайны» вы отмечаете, что схожесть персонажей романа с реальными людьми носит случайный характер...

Ч.Г. «Семейные тайны» стояли в плане издательства в 1985 году, но в том году не были выпущены. Обычно представитель Главлита читает произведения в издательстве, спорные вопросы решают непосредственно

в управлении. Продержав роман три месяца, Главлит дал разрешение на публикацию с условием, чтобы издательство официальным документом подтвердило, что берет ответственность на себя. В издательстве прошло обсуждение, потому что Главлит выдвинул до ста предложений, после учета которых роман терял бы все смысловые нити. Но я вынужден был последовать советам директора издательства. Всего имеется семь вариантов литературной обработки романа. События в романе разворачиваются таким образом, что после долгой, туманной неопределенности наступает фаза окончательных выводов. Вот такой конец и не удовлетворял издательство. Кстати, заинтересовавшие вас слова в аннотации меня вынудили написать в издательстве.

В. С. В интервью, которое вы дали журналу «Дружба народов», отмечается, что без знания русского языка не было бы романа «Семейные тайны». Как это понимать?

Ч. Г. Очень просто. Если бы я роман написал на азербайджанском языке, то он никогда не увидел бы света. Ведь мы боимся собственной тени.

В. С. Возможно, напиши вы роман в наши дни, то о многом можно было сказать в открытую...

Ч. Г. Может быть. Но во всяком случае форма была бы прежней, потому что благодаря ей мне удалось коснуться самых больных тем.

В. С. Почему стиль ваших произведений усложнен, символичен?

Ч. Г. Сама тема требует этого. Возьмем роман «Семейные тайны». В современном обществе имеются такие сложные проблемы, что их нельзя описать в реалистической манере. В одном из районов произошел такой случай: каждый месяц секретарь райкома под предлогом проведения политзанятий выбирал среди старшеклассниц красивых девушек и... Это событие нельзя просто описать, надо найти корни — личные, общественные, психологические — этого поступка. Этот процесс доведения до сути и приводит к усложнению стиля.

В. С. Какое произведение вы бы посоветовали прочитать читателю, желающему ознакомиться с вашим творчеством?

Ч. Г. Сложный вопрос. Но начинать с «Семейных тайн» нельзя, и вообще, чтобы понять писательское кредо, надо читать все произведения, а не какое-то одно.

В. С. Как вы относитесь ко вновь созданным произведениям, отвечают ли они всем вашим требованиям?

Ч. Г. Очень критически отношусь к своим произведениям, всегда что-то не удается. Трагедии, которые разворачиваются на наших глазах, не могли и присниться Шекспиру. Законы творчества таковы: чем больше углубляешься в проблемы народа, тем чаще сталкиваешься с общемировыми ценностями. Из своего опыта знаю, что, когда сюжет произведения связан с Азербайджаном, особо ощущаю свою причастность к миру, нахожусь в водовороте противоречий.

В. С. Какие классики оказали на вас влияние?

Ч. Г. Самое гениальное произведение, на мой взгляд, «Хаджи Мурат». До этого вы упомянули У.Фолкнера — он тоже великий писатель. Но наибольшее влияние испытал я от творчества Мирзы Джалила и Сабира.

В. С. Наверное, со стороны ярче проявляются достоинства и недостатки азербайджанской литературы. В чем вы видите причину отсталости и мелкотемья национальной прозы?

Ч. Г. Мы недостаточно пропагандируем нашу литературу. Взять хотя бы труд Теймура Ахмедова «Азербайджанские советские писатели», при подготовке к изданию которого он испытал невероятные трудности и тираж которого составил всего 7 тысяч экземпляров. Но, например, на Украине, в Белоруссии, прибалтийских республиках ежегодно печатаются на русском языке обзоры. Это — одна сторона дела. Чтобы был признан народ, азербайджанские писатели должны работать с удвоенной энергией. Во-вторых, писатель должен быть не только писателем, но и философом, историком, языковедом. Литература должна проникнуть в сущность явлений, показать жизнь во всем ее многообразии. Мы еще не успели вывести азербайджанскую литературу на мировые меридианы, боимся сравнений. Популярность Ч. Айтматова, Р. Гамзатова и Н. Думбадзе оцениваем субъективными критериями, объективные же не видим и не хотим видеть.

В. С. Что можете сказать о молодой прозе Азербайджана?

Ч. Г. В свое время С. Ахмедов, И. Гусейнов, А. Айлисли, Анар своими произведениями вызвали известный резонанс в литературном мире, чего нельзя сказать о современных молодых прозаиках. Мне кажется, что успехи молодых в области поэзии более значительны. Может, я не прав?

В. С. Довольны ли вы своей литературной судьбой?

Ч. Г. Что вам ответить? Я сказал то, что хотел, но некоторая неудовлетворенность все же осталась. Некоторые произведения не опубликованы на родном языке, и это меня очень тревожит. Я чувствую гражданскую ответственность перед своим народом, но и он не должен быть равнодушен ко мне.

В. С. Если не секрет, над чем работаете сейчас?

Ч. Г. Работаю над двумя романами, один — на историческую тему. Он охватывает период от 1900 по 1925 год.

В. С. В центре романа будут события, связанные с первой азербайджанской демократической республикой? Не часто мы встречаемся с произведениями на эту тему.

Ч. Г. Конечно. Так же, как и в романе «Фатальный Фатали», постараюсь использовать подлинные исторические факты. Над романом работаю с 1981 года. Второй роман — на современную тему. Работа над ним скоро закончится. В любом случае романы выйдут в свет не ранее, чем лет через десять.